

Речевая агрессия персонажей драматургического произведения в аспекте лингвопрагматики

Е. Г. Логинова

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия
e.loginova-rsu@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа лингвистических маркеров речевой агрессии в драме. На материале пьес А. Чехова «Дядя Ваня» и Н. Садур «Ехай» автор суммирует маркеры речевой агрессии, выявляя прагматически наиболее релевантные маркеры. К числу новых аспектов работы относится вывод о речевой автоагрессии и о приеме градации речевой агрессии, что представляет ценность при изучении художественной эстетики драматургического дискурса.

Ключевые слова: лингвопрагматика, когнитивная лингвистика, речевая агрессия, иллокуция, драма, Чехов, Садур

Для цитирования: Логинова Е. Г. Речевая агрессия персонажей драматургического произведения в аспекте лингвопрагматики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 73–79.

Original article

Verbal Aggression in the Discourse of Drama from the Standpoint of Linguistic Pragmatics

Elena G. Loginova

*Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia
e.loginova-rsu@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of the study of verbal aggression in the discourse of drama. The aim was to identify the linguistic means that mark verbal aggression whether directly or indirectly and to specify the cognitive mechanisms. Having analyzed two plays (Chekhov's "Uncle Vanya" and Sadur's "Ekhaj") the author summarizes the linguistic markers of verbal aggression paying special attention to autoaggression as well as gradation of verbal and non-verbal means used to realize this "anti-polite" speech strategy.

Keywords: linguistic pragmatics, cognitive linguistics, verbal aggression, illocution, drama, Chekhov, Sadur

For citation: Loginova, E. G. (2024). Verbal aggression in the discourse of drama from the standpoint of linguistic pragmatics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 73–79.

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистический «поворот» в исследовании эффективности коммуникации выводит в фокус изучение лингвистических маркеров и когнитивных механизмов саморепрезентации. Особое внимание уделяется языковым средствам речевой агрессии – сознательно грубой коммуникации, антивежливости (см. работы, описывающие речевую агрессию в разных типах дискурса [Шейгал, 2000; Радченко, 2009; Комалова 2020; Лю Цици 2023], а также труды, посвященные экспрессивности высказывания [Арнольд, 1975; Телия, 1991]).

В основе речевой агрессии лежат когнитивные интенции, отражающие всю совокупность субъектно-объектных отношений. Это позволяет анализировать речевую агрессию с когнитивно-прагматических позиций. При этом лингвистические единицы следует рассматривать как когнитивно-семиотические сущности, которые взаимодействуют с концептуальными структурами, обеспечивая семиотическую «прорисовку» коммуникативной ситуации.

Настоящее исследование проводилось на материале драмы. В отличие, например, от романа, где объяснение процесса общения происходит за счет авторских слов, описаний и пр., драма строится на высказываниях персонажей. Немаловажно также то, что драма включает соотносимые между собой гетерогенные компоненты (от реплик персонажей до акта или сцены). В своей совокупности они демонстрируют развитие коммуникации как стремление к цельности. Происходит одновременно кумуляция опыта и конфликт между различными, но взаимодополняющими элементами опыта; между тем, что представлено эксплицитно, и тем, что выражено имплицитно. Такие внутренние противоречия могут получать внешнее выражение. Например, конфликт между сказанным и подразумеваемым в драме часто репрезентируется в соотношении персонажей, которые составляют конфликтные пары: Поццо и Лакки в пьесе С. Беккета «Waiting for Godot», наемные убийцы Гас и Бен в произведении Г. Пинтера «The Dumb Waiter», Трубецкой (учитель физкультуры) и Серж (учитель географии) в пьесе Д. Липскерова «Школа с театральным уклоном» и пр.¹

По замечанию В. Е. Хализева, реплика персонажа драматургического произведения является не просто коммуникативной единицей, но «динамичным, активно и агрессивно воздействующим речевым актом»² [Хализев, 1986, с. 42–43]. В. Херман подчеркивает, что с прагматических позиций общение персонажей в драме не отличается от общения

людей в повседневной коммуникации. В обоих типах диалога присутствует потенциальный конфликт. Он а priori обусловлен столкновением различных жизненных интересов и личных притязаний.

Существует речевые акты, которые агрессивны по своей сути. Это речевые акты с угрозой в адрес собеседника / референта («speech acts which are intrinsically face-threatening to a participant»), реализованные прямо («on record») или косвенно («off record») [Herman, 1995, с. 191].

Материалом для анализа послужили пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» (1896) и Н. Садур «Ехай» (1984). Произведения А. П. Чехова, наряду с пьесами М. Метерлинка, Г. Ибсена, относятся к «новой драме», особенностью которой является конфликт героев не друг с другом, а с «враждебной реальностью» [Зингерман, 1979, с. 16]. Драматургия Н. Садур относится к постмодернистской: она характеризуется как бесконфликтная. Однако в пьесе «Ехай» разворачивается внешний конфликт между персонажами – столкновение людей, каждый из которых по-своему несчастен.

Основная исследовательская задача связана с выявлением вербальных единиц (компонентов высказывания), в которых выражено враждебное, агрессивное отношение субъекта речи к обозначаемому, адресату или себе самому. Проведенный анализ лингвистических маркеров речевой агрессии в драматургическом тексте позволяет обобщить единицы, обладающие наибольшей прагматической нагруженностью, и уточнить когнитивные механизмы речевой агрессии.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Любое вербальное проявление агрессии есть некая экспрессивная форма, создающая эмоциональный фон. По замечанию В. Н. Телия, при экспрессивности высказывания референт или референтная ситуация погружаются в область коммуникативно нерелевантных сигналов, а на поверхности оказываются испытываемые говорящим чувства [Телия, 1991].

В зависимости от ситуативного контекста одни и те же языковые единицы могут выражать пейоративное (негативное) и мелиоративное (одобрительное) отношение говорящего к адресату и / или объекту речи, – подчеркивает В. И. [Жельвис, 1990]. Иными словами, стилистически нейтральное слово может стать эмоционально-экспрессивным, получив «агрессивный заряд» в соответствующем контексте. Такой подход соответствует идее А. Ф. Лосева о «смысловом потенциале слова», включающем

¹Более подробно об этом идет речь в [Логонова, 2021].

²Курсив наш. – Е. Л.

все возможные дополнительные семантические оттенки (аксиологические, коммуникативные, прагматические и пр.). Отсюда вывод А. Ф. Лосева о том, что даже слово как единица лексической системы – это «не есть отдельное и изолированное слово» [Лосев, 1982, с. 476–477].

Сходной точки зрения придерживаются многие ученые, занимающиеся исследованием в области когнитивной лингвистики и обращающие внимание на необходимость рассматривать передаваемое языковой единицей содержание как динамичный подвижный конструкт. В частности, В. И. Заботкина отмечает, что при дискурсивной реализации лингвистические формы «подключают» говорящего и слушающего к неким ментальным сетям, активизируя «различного рода последовательные и параллельные операции связи» [Заботкина, 2007, с. 50].

В своем исследовании мы рассматриваем отобранные единицы высказывания с учетом лингвистического окружения и ситуативного фона, а также принимаем во внимание указания на характер произнесения реплик, содержащиеся в авторских ремарках.

Нами анализировались средства выражения речевой агрессии в двух драматургических произведениях, одно из которых написано в конце XIX века (А. П. Чехов «Дядя Ваня»), а второе создано почти столетие спустя (Н. Сакур «Ехай»). В чеховской пьесе объектом анализа стали реплики Войницкого, адресованные Серебрякову непосредственно или (чаще) опосредованно. В абсурдистской пьесе Н. Сакур, построенной на диалоге Машиниста электропоезда и Мужика, который лег на рельсы, чтобы свести счеты с жизнью, нами рассматривались реплики Мужика и реплики Машиниста, адресованные друг другу.

Проведенное исследование показало, что в рассматриваемых драматургических произведениях представлены следующие типы языковых средств, реализующих речевую агрессию прямо или косвенно:

- экспрессивно-окрашенная лексика для выражения требования, угрозы, упрека, обвинения (*не стоят гроша медного, морочил, презираю*);
- сниженная лексика (в том числе коллоквиализмы, вульгаризмы, например, *полудурок, серость, психанутый*) для выражения негативных эмоций, враждебного отношения и пр.;
- интенсификаторы как средства выражения субъективного отношения говорящего (качественные и оценочные прилагательные, наречия *очень, слишком, весьма, ровно*; усилительные частицы *ведь, ну* и др.);

- инвективная лексика в функции грубого, оскорбительного обращения или характеристики (*падаль, сволочь*);
- конструкции экспрессивного синтаксиса:

Тебе человека убить? Что муху! И опять убил, и испугался, и на рельсы лег <...>! За пять рублей! Будешь ты меня помнить!

- языковые единицы и конструкции, косвенно выражающие агрессивное отношение и/или намерение (жалоба, насмешка, язвительное замечание, нарочито вежливое обращение: *наш великий ученый. Точно принц, блин*);
- стилистически нейтральные единицы, выражающие в соответствующем просодическом оформлении контекстуально обусловленное, дискурсивное значение агрессивности (*Баптист что ли? Сектант несчастный!*)

Особо отметим интонацию эмоционально-экспрессивного характера, который маркируется паралингвистическими средствами (восклицательный знак, комбинация восклицательного и вопросительного знаков, многоточие, графические и фонографические приемы) и паратекстуальными средствами (авторские ремарки). Например:

(*Нервно.*), (*С гневом.*) – ремарки внутри реплик Войницкого.

(*Кричит.*) – ремарка внутри реплик Машиниста и Мужика.

Примером паралингвистических средств служит также повтор ударной гласной в слове *сво-олочь*, указывающий на протяжную манеру произнесения и, соответственно, на эмоциональное состояние говорящего: *Машинист: Ой, сво-олочь...*

Мы предположили, что в сценических постановках показателем эмоциональности и сильных чувств говорящего будет интонационное оформление реплик, в частности, перенос акцентных пиков. По замечанию Т. Е. Янко, изменение акцента происходит в случае эмфазы (угроза, упрек), которая дополнительно амплифицируется интенсивностью фразового акцента и «искривлением» тона [Янко, 2008, с. 28]. Возникают эмфатическая рема или эмфатическая тема, о чем мы можем судить по движению тона, хотя, безусловно, для объективных заключений необходим анализ звучащей речи персонажей с помощью специальных компьютерных программ.

Проведенное нами исследование показало, что враждебное отношение, неприязнь к другому персонажу может принимать форму речевой

автоагрессии – оскорбление себя, обида, недовольство собой. В таких случаях реализуется механизм сдвига фокуса с объекта агрессии на адресанта. Приведем в качестве примера реплику Машиниста:

Машинист. Что же я остановился, а? Козел я, козел...
Толика послушался. <...> ... вот козел я...
<...> Ой, блин ... стою, как полудурок,
побегу я ...

Еще один пример – речевая автоагрессия Войницкого, когда он промахнулся, стреляя в Серебрякова из револьвера:

Войницкий. (С гневом.) А, черт, черт...черт бы побрал... (Бьет револьвером об пол и в изнеможении садится на пол.)

Обращает на себя внимание градация как прием, демонстрирующий постепенное увеличение степени враждебности по отношению к Серебрякову в репликах Войницкого. Повышение эмоциогенности происходит от завуалированной речевой агрессии, которая проявляется в использовании косвенных оскорблений за счет ироничных возвеличивающих эпитетов, подменяющих грубые или нетактичные слова и выражения; интертекстовых вставок; оригинальных фраз на латыни (например, *великий ученый, perpetuum mobile*, «Напрягши ум, наморщивши чело, всё оды пишем, пишем, и ни себе, ни им похвал нигде не слышим»¹), к открытой речевой агрессии, угрозам (*старый сухарь, ученая вобла, вечно жалуется, пережевывает чужие мысли, переливает из пустого в порожнее, ненавижу, будешь меня помнить* и пр.) и затем к невербальным проявлениям агрессии, отличающимся эмоциональной импульсивностью – стреляет в Серебрякова из револьвера.

Принимая за основу типы речевой агрессии, которые Е. И. Шейгал выделяет на материале политического дискурса, мы можем заключить, что градация простирается от имплицитной речевой агрессии к эксплицитной, предполагающей направленность на объект речевой агрессии (угрозы, вердикты) [Шейгал, 2000].

Персонажи пьесы Н. Садур, наоборот, с самого начала разговора демонстрируют невербальные проявления агрессивного поведения:

Энергично подходит к Мужу и дает ему пинка.<...>
Снова его пинает. <...> Пинает. <...> Пинает. Снова пинает. <...> Снова пинает. <...> Мужик вскакивает,
бьет его в лицо.

¹В пьесе А. П. Чехова использована цитата из сатирического стихотворения И. И. Дмитриева «Чужой толк», в которой поэт высмеивает бездарных поэтов-графоманов.

Речевая агрессия Машиниста и Мужика в данной сцене эксплицитно проявляется за счет инвективной и грубой просторечной лексики (*падаль, блин*) и синтаксического параллелизма обвинений, которые перемежаются с невербальными действиями:

Это тебе, блин, за график. <...> А это тебе за прогрессивку. <...> А это тебе за выговор. <...> А это тебе за нервы. <...> А это тебе за развратное самоуничтожение.

В пьесе А. П. Чехова бранная речь используется единожды. При этом частотны единицы и конструкции, которые имплицитно выражают агрессивное отношение говорящего к адресату и объекту высказывания. В отличие от А. П. Чехова Н. Садур не склонна к частотным импликациям: два драматурга работают в разных литературных традициях и выводят на сцену персонажей, различных по социальному статусу.

Особая роль при выражении речевой агрессии и «приращении» эмоциональности в процессе развития высказывания отводится разным типам повтора: повтор-вербальное тождество, субституционный повтор, повтор-парафраз. Например, в развернутой реплике Войницкого, когда он выражает свое отношение к Серебрякову, пять раз повторяется указание на продолжительность периода научной деятельности отставного профессора:

Войницкий. <...> Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Двадцать пять лет он пережевывает чужие мысли о реализме, натурализме и всяком другом вздоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно, – значит, двадцать пять лет переливает из пустого в порожнее. <...> значит, двадцать пять лет он занимал чужое место.

Позже, адресуя реплику уже непосредственно Серебрякову, Войницкий повторяет это указание на время, теперь в отношении себя:

Двадцать пять лет я управлял этим имением, работал, высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик, и за все время ты ни разу не поблагодарил меня. <...> Двадцать пять лет я вот с этой матерью, как крот сидел в четырех стенах...

Проиллюстрируем повтор-парафраз, когда происходит прибавление когерентных смыслов и эмоциональности:

Войницкий. Зачем я не крал? Отчего вы все не презираете меня за то, что я не крал? <...>

Войницкий. <...> Я не жил, не жил! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни. <...>

Частотны случаи повтора и в пьесе «Ехай», например, повтор-вербальное тождество и повтор-парафраз:

Машинист. Ты врешь, врешь, врешь, сирота! Ты убил! Убийца ты!

Также приведем примеры субституционного повтора в рассредоточенных по тексту репликах Машиниста:

А ему наплевать! Ему костей своих не жалко, только бы настроение испортить! <...> Мне наплевать. Мне благодарности не надо.

В аспекте активации заложенной в реплике агрессии повтор представляется наиболее прагматически нагруженным маркером речевой агрессии, указывающим на амплификацию экспрессивно-эмотивного и семантико-прагматических компонентов значения. На когнитивном уровне это связано с реализацией когнитивных механизмов выведения в фокус и сдвига фокуса, кумуляции и импликации смысла. Воспользовавшись разработанной Л. Талми типологией лингвистических факторов, которые соотносятся с процессами концептуального структурирования [Talmy, 2007], мы можем говорить о маркерах триггерного эффекта в случае повтора разных типов. К таким маркерам следует отнести контекст, направляющий внимание вовне («context with an attentional effect outside itself»), или единицы с внешним эффектом внимания («specific linguistic forms with an attentional effect outside themselves») [Talmy, 2007, с. 277–279], например, единицы, направляющие внимание на обстоятельства, сопутствующие референту; устанавливающие в качестве объекта внимания внешнюю сущность или явление.

В сценической интерпретации пьесы возможен вербально-невербальный (слово и сопровождающие его жест, мимика, движение и пр.) и невербальный повтор. Так, в спектакле по пьесе Н. Садур «Ехай» (Народный театр «Волшебный фонарь», 2016 г.) Машинист, следуя тексту пьесы, дважды называет Мужика принцем:

Машинист. Тоже мне, принц нашелся. <...>

Машинист. Точно принц, блин.

Характеризующее слово *принц* при каждом произнесении сопровождается разведением обеих рук в стороны, интонационно используется растяжение ударного слога за счет длительности гласного. Таким образом, происходит синергетическое взаимодействие вербального компонента (с учетом сопутствующих компонентов значения слова *принц*: важный, большой, надменный), эмоционально-экспрессивной интонации и жестового компонента.

Синхронизацию вербального (включая интонационный) и жестового компонентов иллюстрирует также вербально-невербальный повтор в спектакле по чеховской пьесе (Московский театр п / р О. Табакова, 2007 г.). Выражая свое отношение к Серебрякову, Войницкий дважды использует повествовательно-восклицательную конструкцию, повторяя при этом указательный жест руки в направлении вверх:

<...> какое самомнение! Какие претензии!

Движение руки вверх синхронизируется с существительными *самомнение, претензии*; сами они при этом произносятся с растяжением ударного и заударных слогов, маркируя иллюкутивное намерение говорящего. Направление движения руки вверх объективирует концептуальные компоненты важные в плане уточнения отношения персонажа к тому, о чем идет речь (беспрепятственное и быстрое продвижение вверх по социальной иерархии, значительное отдаление от социального статуса, в котором человек родился).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассматриваемых драматургических произведениях речевая агрессия разнообразна по своим проявлениям, что обусловлено интенциональной направленностью данного типа художественного дискурса – воздействие на сознание и эмоции зрителя, формирование чувства эстетического сопереживания, углубление эмоциональной рефлексии и провоцирование эмпатического отклика.

К лингвистическим маркерам агрессии относятся экспрессивно-окрашенные и коммуникативно сниженные лексические единицы, инвектива, интенсификаторы, единицы, приобретающие негативную коннотацию в соответствующем ситуативном контексте, в котором происходит наложение первичной иллюкуции и вторичных дискурсивных значений.

Особую ценность с точки зрения активации скрытого (враждебного) отношения представляет

повтор, с одной стороны, имеющий количественный характер, с другой стороны, сигнализирующий об изменениях (градации) качественных параметров коммуникативной ситуации, а именно – об изменении отношения говорящего к содержанию высказывания и / или адресату.

Значимым представляется фиксирование в исследуемом материале случаев речевой автоагрессии (оскорбление себя, сетование и пр.) и сделанное наблюдение о возможных разнонаправленных векторах развития речевой агрессии: от имплицитной со скрытым выражением иллюкутивного намерения, к эклективной и наоборот.

Применительно к условиям сценической коммуникации драматург и режиссер могут использовать речевую агрессию и ее невербальные проявления как средство художественной

(мультиmodalной) выразительности, выстраивая линию роли, создавая образ персонажа с учетом его речевой индивидуальности.

Думается, что в данном типе художественного дискурса речевая агрессия может также рассматриваться как элемент поэтики драмы и, соответственно, как составляющая драматургического конфликта. Особый интерес представляет уточнение вклада жестовых средств в реализацию речевой агрессии. Соотношение ее вербальной и невербальной составляющих представляет собой многоуровневый объект дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : монография / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ун-т. М. ; Волгоград : Перемена, 2000.
2. Радченко О. А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1(3). С. 60–66.
3. Комалова Л. Р. Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии: монография. М.: Спутник, 2020.
4. Лю Цици. Эмодзи как средство проявления агрессии в интернет-коммуникации (на материале русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 66–70.
5. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка: сборник научных работ / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Ленинград: ЛГПИ, 1975. С. 11–20.
6. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 14–56.
7. Логинова Е. Г. Семиотический резонанс в художественной коммуникации и художественном дискурсе: монография. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2021.
8. Хализев В. Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). М.: Изд-во МГУ, 1986.
9. Herman V. Dramatic Discourse: Dialogue as interaction in plays. London – New York: Routledge, 1995.
10. Зингерман Б. И. Очерки истории драмы 20 века: Чехов, Стриндберг, Ибсен, Метерлинк, Пиранделло, Брехт, Гауптман, Лорка, Ануй / отв. ред. А. А. Аникст. М.: Наука, 1979.
11. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи : Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия : учеб. пособие. Ярославль : Ярославский государственный университет, 1990.
12. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: МГУ, 1982.
13. Заботкина В. И. Семиотические аспекты представления знаний в семантической структуре слова // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. науч. тр. М.; Калуга : Эйдос, 2007. С. 48–55.
14. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.
15. Talmy L. Attention Phenomenon // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / Ed. by D. Geeraerts, H. Guyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007. P.264–293.

REFERENCES

1. Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moscow, Volgograd: Peremena. (In Russ.)

- Radchenko, O. A. (2009). Issledovanie agressivnogo diskursa: problemy i perspektivy = The analysis of aggressive discourse: problems and perspectives. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(3), 60–66. (In Russ.)
- Komalova, L. R. (2020). Aggressogen discourse: the multilingual aggression verbalization typology. Moscow: Sputnik. (In Russ.)
- Liu, Qiqi. (2023). Emoji as a manifestation means of verbal aggression in Russian and Chinese internet communication. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(870), 66–70. (In Russ.)
- Arnol'd, I. V. (1975). Interpretaciya hudozhestvennogo teksta: tipy vydvizheniya i problema ekspressivnosti = Interpretation of a literary text: types of extension and the problem of expressiveness. *Ehkspressivnye sredstva anglijskogo yazyka* (pp. 11–20): collection of papers. Leningrad: LGPI. (In Russ.)
- Teliya, V. N. (1991). Ekspressivnost' kak proyavlenie sub'ektivnogo faktora v yazyke i ee pragmaticheskaya orientaciya = Expressiveness as a manifestation of subjectivity in language and its pragmatic orientation. *The human factor in language. Linguistic mechanisms of expressiveness* (pp. 14–56). Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Loginova, E. G. (2021). Semioticheskij rezonans v hudozhestvennoj kommunikacii i hudozhestvennom diskurse = Semiotic resonance in natural communication and in artistic discourse. Ryazan: Ryazan State University named after S. A. Yesenin. (In Russ.)
- Halizev, V. E. (1986). Drama kak rod literatury (poetika, genezis, funkcionirovanie) = Drama as a kind of literature (poetics, genesis, functioning). Moscow: Izdatel'stvo MSU. (In Russ.)
- Herman, V. (1995). *Dramatic Discourse: Dialogue as interaction in plays*. London–New York: Routledge.
- Zingerman, B. I. (1979). *Ocherki istorii dramy 20 veka: Chekhov, Strindberg, Ibsen, Meterlink, Pirandello, Brekht, Gauptman, Lorca, Anuj* = *Essays on the history of the 20th century drama: Chekhov, Strindberg, Ibsen, Maeterlinck, Pirandello, Brecht, Hauptmann, Lorca, Anuy*. Ed. by A. A. Anikst. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Zhel'vis, V. I. (1990). *Emotivnyj aspekt rechi : Psiholingv. interpretaciya rechevogo vozdejstviya* : ucheb. Posobie = *The emotive aspect of speech : Psycholinguistic. interpretation of speech effects*. Yaroslavl': YarSU. (In Russ.)
- Losev, A. F. (1982). *Znak. Simvol. Mif = Sign. Symbol. Myth*. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)
- Zabotkina, V. I. (2007). *Semioticheskie aspekty predstavlenija znanij v semanticheskoi strukture slova = Semiotic aspects of knowledge representation in the semantic structure of the word. Problems of representation in language* (pp. 48–55). Types and formats of knowledge. Moscow, Kaluga: Ejdos. (In Russ.)
- Yanko, T. E. (2008). *Intonacionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte = Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
- Talmy, L. (2007). *Attention Phenomenon*. In Geeraerts, D., Guyckens, H. (Eds.), *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* (pp. 264–293). Oxford: Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Логинава Елена Георгиевна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры английского языка и методики его преподавания

Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Loginova Elena Georgievna

PhD (Philology), Associate Professor

Professor of the Department of the English Language and Language Teaching Methodology

Foreign Languages Institute, Ryazan State University named for S. Yesenin

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.05.2024
23.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication